

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
В88

Tobias Wolff
THIS BOY'S LIFE

Copyright © 1989 by Tobias Wolff

Вулф, Тобиас.

В88 Жизнь этого парня / Тобиас Вулф ; [пер. с англ. И. В. Новиковой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Девять с половиной недель).

ISBN 978-5-04-099994-1

Тобиас Вулф — трудный подросток. Его отец ушел из семьи, чтобы жениться на богатой американке, и забыл о существовании сына. Вместе с матерью Тоби бежит в Юту в поисках лучшей жизни. Там они и знакомятся с Дуайтом Хансенем, который должен принести в их жизнь стабильность и спокойствие. Но все складывается не совсем так, как планировалось.

История взросления молодого парня, который борется со своими проблемами и страхами, непониманием и осуждением окружающих. Он остро переживает развод родителей, а также роман матери с мужчиной-тираном, который превращает их жизнь в кошмар.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-099994-1

© Новикова И.В., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Майклу и Патрику

СОДЕРЖАНИЕ

УДАЧА	11
НЕКРУТОЙ	45
СОВЕРШЕННО НОВЫЙ ПОВОРОТ	99
СВОЙ В ДОМЕ	104
СВОЙ В ШКОЛЕ	198
ЦЕРКОВНЫЙ ПРИДЕЛ	258
АМИНЬ	307

Я очень благодарен моей жене, Кэтрин, за то, что она много раз внимательно перечитывала эту книгу. Хочу выразить благодарность Розмари Хатчинс, Джеффри Вулфу, Гэри Фискетджону и Аманде Урбан за их помощь и поддержку. Некоторые фрагменты неоднократно корректировались, особенно по части хронологии. Также моя мать считает, что собака, которую я описал такой уродливой, была на самом деле вполне симпатичная. Я оставил несколько подобных описаний, поскольку это книга воспоминаний, а у памяти есть свои собственные законы. Но я сделал все возможное, чтобы моя история была правдива.

Мой первый отчим обычно говорил: того, что я не знаю, хватит на целую книгу. Что ж, вот она.

«Первая обязанность человека — это быть как можно более искусственным. Вторая обязанность до сих пор еще никем не открыта».

ОСКАР УАЙЛЬД

«Кто боится испорченности, тот боится самой жизни».

САУЛ АЛИНСКИЙ

УДАЧА

Наша машина снова закипела, как только мы с матерью пересекли Континентал Дивайд. Мы ждали, пока она остынет, и вдруг услышали рев автомобиля, доносившийся откуда-то сверху. Звук становился все громче, а затем огромный грузовик промчался мимо нас и свернул в следующий переулок. Его прицеп дико дребезжал. Мы уставились ему вслед.

— Ох, Тоби, — сказала моя мать, — у него отказали тормоза.

Ужасный звук все больше удалялся, а затем и вовсе затих, сменившись шорохом ветра, колыхавшего деревья вокруг.

К тому моменту, когда мы доехали до места аварии, небольшая группа людей стояла у обрыва, куда опрокинулся грузовик. Он пробил дорожные ограждения, пролетел сотни футов пустоты, и теперь лежал в реке среди булыжников, кверху дном. Грузовик выглядел ужасно маленьким. Струя густого черного дыма поднималась из кабины и растворялась в воздухе. Моя мать спросила, сообщил ли кто-нибудь об аварии. Кто-то сообщил. Мы стояли на краю скалы в окружении незнакомых людей. Все молчали. Мать положила руку мне на плечо.

ЖИЗНЬ ЭТОГО ПАРНЯ

Весь оставшийся день она пристально изучала меня, трогала, откидывая назад мои волосы. И я решил, что момент довольно подходящий, чтобы заикнуться о сувенирах. У матери не было лишних денег, и я старался даже не затрагивать эту тему, но теперь, когда ее защита была ослаблена, я ничего не мог с собой поделать. Когда мы выехали наконец из Гранд-Джанкшен, я приобрел индейский ремень, украшенный бисером, такие же мокасины и бронзовую лошадь со съемным, отделанным кожей седлом.

Шел 1955 год, мы ехали на машине из Флориды в Юту, убегая от мужчины-тирана, которого боялась моя мать, и надеясь разбогатеть на уране. Мы собирались в корне поменять нашу жизнь.

Мы покинули Сарасоту на закате лета, сразу после моего десятого дня рождения, и направились на Запад под низким дрожащим небом, которое то становилось черным и взрывалось, то прояснялось, но так, что в воздухе оставался легкий пар. Мы пересекли Джорджию, Алабаму, Теннесси, Кентукки, останавливаясь, чтобы остудить мотор, в городах, где люди передвигались с нерасторопностью больного подагрой, а их речь была такая же медленная и вязкая. Бездельники с гнилыми зубами окружали нашу машину, чтобы поглазеть на симпатичную леди с Севера и ее сыночка, споря между собой, какой путь нам следовало бы выбрать. Женщины забывали про свои цветочные клумбы, когда мы проезжали мимо; разглядывали нас с крылец, иногда невозмутимо, иногда делая в нашу сторону кивок или обдувая своими вентиляторами.

Каждую пару часов наш «Нэш Рамблер» закипал. Мать продолжала тратить свои сбережения, но ни один механик не мог починить его. Все, что мы могли сделать,

УДАЧА

это ждать, пока он охладится, а затем ехать дальше, пока он снова не закипит. (Моя мать настолько возненавидела эту машину, что сразу по прибытии в Юту отдала ее женщине, с которой познакомилась в кафе.) Ночью мы спали в замшелых номерах, где в окно то и дело светили лучи фар, а комары, не переставая, заводили у нас над ухом заунывные песни. Однако ничего из перечисленного не беспокоило меня. Я был охвачен тем же чувством свободы, что и моя мать, разделяя ее радость и мечты о переменах.

Все должно было поменяться, после того как мы покинем Запад. Моя мать была девочкой из Беверли-Хиллз, и та жизнь, которая виделась нам впереди, состояла из ее воспоминаний о Калифорнии в счастливые дни до Катастрофы. Ее отец, Папочка, как она его называла, был морским офицером и владел активами на миллионы. Они жили в большом доме с башенкой. Незадолго до того, как Папочка потерял все свои деньги и все деньги своих бедных ирландских родственников-деревенщин и быстренько устроил себе перевод на службу за пределы страны, моя мама стала одной из четырех девушек, удостоившихся чести представлять Беверли-Хиллз на Параде роз. Тема их выступления звучала как «Конец радуги», и мать выиграла приз года под всеобщее одобрение. Она познакомилась с Джеки Кугэн, сфотографировалась с Гарольдом Ллойдом и Мэрион Дэвис, чей фильм *Моряк* был снят на корабле Папочки.

Когда Папочка был в море, они с матерью жили как в сказке, в которой порой целыми днями играли роль сестер.

И что за чудесные *машины*, о которых рассказывала мать, когда мы ждали, пока охладится мотор нашего

«Рамблера»! Хотел бы я увидеть те машины! Папочка водил туристический «Франклин». До этого за мамой ухаживал парень, у которого был собственный «Крайслер» с откидным верхом и музыкальным сигналом. И, конечно, была еще семья Эрнандесов, соседей, которые переехали из Мексики после того, как нашли нефть под своим кактусовым ранчо. Семья была большая. Когда им нужно было появиться где-нибудь всем вместе, они ехали по одному в караване идентичных «Пирс-Эрроу».

Что-то подобное должно было случиться и с нами. Люди в Юте вставали нищими по утрам и ложились спать богачами. Не надо было быть горным инженером или минерологом. Все, что было нужно, это счетчик Гейгера. Мы держали путь к урановым залежам, где моя мать намеревалась найти работу. И быстро разобравшись во всем, она бы начала разрабатывать недра самостоятельно.

Она рассчитывала получить значительную компенсацию: за годы тяжелой работы, сначала в качестве продавца газировки, а затем начинающего секретаря, часто при этом оставаясь без гроша в кармане, а то и в долгах; за распад нашей семьи пятью годами раньше; за страдания от длительной связи с жестоким мужчиной. Она намеревалась наверстать упущенное время, и я собирался помочь ей в этом.

До Юты добрались на следующий день после падения фургона. Мы слишком запоздали — на несколько месяцев. Моаб и другие добывающие города были переполнены. Все мотели — забиты. Местные сдавали внаем свои спальни, гостиные и гаражи и уже предлагали площадки под трейлеры на своих передних двориках за сотню долларов в неделю, что равнялось бы месячному

заработку матери, если бы у нее была работа. Но работы не было, и люди становились раздражительными. Случались убийства. Проститутки разгуливали по улицам среди бела дня, нетрезвые и драчливые. Счетчики Гейгера стоили целое состояние. Все говорили нам не сдаваться и не падать духом.

Мать призадумалась. В конце концов, у какого-то бедняка ей удалось купить счетчик Гейгера — инфракрасный прожектор, высвечивающий следы урана — и мы отправились в Солт-Лейк-Сити. Она выяснила, что где-то там должна быть руда. Тот факт, что еще никто ничего не нашел там, означал, что место будет практически нашим. Чтобы как-то свести концы с концами, мать планировала получить работу в компании «Кеннекотт Майнинг». Начальник кадров, ответивший на ее резюме, которое она отправила из Флориды накануне отъезда, оповестил ее, что не стоит приезжать, объяснив, что в Солт-Лейк нет работы и что рабочие его собственной компании собираются вот-вот устроить забастовку. Но его письмо было таким дружелюбным! Моя мать была уверена, что получит работу в любом случае.

Так что мы поехали дальше через пустыню. Всю дорогу пели: ирландские баллады, народные песни, биг-бенд блюз. Я подсел на «Mood

Indigo». Снова и снова я грустно напевал «You ain't been blue, no, no, no», пока мама посматривала на термометр и следила за двигателем. В горле у меня пересохло, и я стал покашливать. Но все равно был возбужден. Наш путь подходил к концу. Рекламные щиты Бурма-Шейв и изрешеченные, будто пулями, указатели миль проно-

Работы не было,
и люди становились
раздражительными.
Случались убийства.
Проститутки разгуливали
по улицам среди
бела дня, нетрезвые
и драчливые.
